

С. М. Шамин
ИРИ РАН, Москва, Россия. shaminy@yandex.ru
И. Н. Шамина
ИРИ РАН, Москва, Россия. shaminy@yandex.ru

ТОЛМАЧИ И ПЕРЕВОДЧИКИ КУМΠΑНСКОГО ПЕРИОДА РОССИЙСКОГО КОРАБЛЕСТРОЕНИЯ

В статье анализируется работа толмачей и переводчиков при кумпанствах Петра Великого. Авторы выявили более двух десятков языковых специалистов, работавших в данный период под Воронежем, и пришли к выводу, что большая часть толмачей и переводчиков нанималась для кумпанств за границей. На верфях наблюдался их острый дефицит, что негативно отражалось на работе кумпанств в целом.

Ключевые слова: кумпанства, переводчики, толмачи, Петр Великий

Конец XVII в. стал временем активных управленческих экспериментов царя Петра Алексеевича, в ходе которых он искал возможность приспособить традиционные структуры Московского государства к решению новых задач. Царь радикально изменил характер противостояния с Османской империей на море. Если раньше Россия ограничивалась поддержкой походов донских и запорожских казаков, разорявших азовское и черноморское побережья на стругах и чайках, то теперь планировалось перейти к полноценным морским сражениям и десантным операциям. Для этого потребовалось создать флот, который мог бы противостоять турецким эскадрам при прямом столкновении (подробнее см.: [Шамин]).

Россия уже имела успешный опыт организации строительства морских кораблей по западным образцам. Однако речь шла лишь об отдельных судах, сооружение которых контролировалось лично царем в «ручном режиме». Теперь число строящихся судов следовало резко увеличить, для чего понадобились соответствующие структуры. Царь указал организовать кумпанства – объединения светских и духовных землевладельцев. Каждому из них предстояло построить свое судно (позднее объем работ увеличился). Просуществовали кумпанства недолго. Указ о них был дан в ноябре 1696 г., а весной 1700 г. кумпанские дела передали в Адмиралтейство (библиографию по истории кумпанств (до 2020 г.) см.: [Алексеев]).

Чтобы построить флот, государь развернул широкую кампанию по привлечению на русскую службу иноземных кораблестроителей и моряков, под руководством которых предстояло сформировать собственные кадры. Однако абсолютное большинство задействованных в кумпанском кораблестроении составляли русские. Для всех исследователей, которые затрагивали интересующую нас тему, было очевидно, что одной из важнейших проблем, вставших в ходе реализации кумпанской программы кораблестроения, являлось преодоление языкового барьера. Однако конкретных фактов по этой теме в научный оборот введено мало. Больше всего данных приведено в работе А. В. Перегудова о Государевом разрядном шатре, который находился в Воронеже и ведался главой Владимирского судного приказа окольничим А. П. Протасьевым [Перегудов 2009а]. Это учреждение должно было непосредственно контролировать кумпанское кораблестроение в Воронежском крае. Однако вопрос о переводчиках А. В. Перегудов специально не рассматривал.

Главной проблемой при изучении нашей темы является то, что документов самих кумпанств известно крайне мало. Чаще всего интересующие нас сведения фигурируют в материалах делопроизводства разрядного шатра. Этих данных хватает для того, чтобы составить самую общую картину.

Правительство изначально предвидело появление языковых проблем, поэтому уже при составлении самых первых планов строительства в число необходимых для этого специалистов включили толмачей. В наиболее ранней «рописи к баркалону» (1697 г.) наблюдаем следующее соотношение иностранных мастеров и специалистов по переводу: «мастер плотник иноземец, да подмастерье, 2 плотника иноземца, 2 мастера кузнецов иноземцов... 5 толмачей» [Елагин, прил. 1–4, с. 216]. Следовательно,

на одного иностранного мастера планировалось нанять одного толмача. Аналогичная роспись для галереи выглядит несколько иначе: «4 человека немецких кузнецов... 1 человек плотник немецкий... 1 человек толмач тому языку, которого будет плотник» [Елагин, прил. 1–4, с. 220]. Вряд ли для строительства баркалона и галереи на самом деле требовалось разное число языковых специалистов. Скорее всего, шел поиск их оптимального числа.

Когда кумпанство заключало подряд на постройку судов, требование нанять специалистов по переводу сохранялось. В рядной записи Ф. Тимермана на строительство баркалона для кумпанства боярина князя Я. Н. Одоевского (16 апреля 1697 г.) зафиксировано обязательство взять работников «против росписи, какова дана из Суднаго володимерскаго приказу, и с аптекою, и с людьми, которые написаны в росписи иноземцы и толмачи... сколько к тому делу надобно» [Елагин, прил. 1–4, с. 236]. Здесь отсылка, судя по всему, идет к цитировавшейся выше росписи для баркалона. Как видим, толмач стал обязательным специалистом для найма кумпанствами. Отметим, что их число в кумпанстве могло не соответствовать росписям. Так, находившийся «на Воронеже у строения 2-х кораблей» стольник Д. И. Дивов имел на 23 октября 1698 г. у корабельного дела «иноземцов голландских корабельных мастеров 4, толмачей 2» [Елагин, прил. 1–4, с. 376].

В любом случае, речь шла, как минимум, о десятках людей, которых предстояло нанять. Из приведенного ниже материала видно, что значительная часть толмачей приезжала в Россию вместе со специалистами корабельного дела. Причем происходило это еще до того, как кумпанства приступили к поиску мастеров. Царь начал приглашать иноземных корабелов вскоре после завершения первого Азовского похода. Иностранцы же боялись ехать в чужую страну без человека, который мог бы объясниться с русскими. Языковых специалистов могли нанимать в дороге. К примеру, 31 декабря 1696 г. в Смоленске встречали группу итальянских мастеров-кораблестроителей, присланных через Вену правительством Венеции во главе с капитаном Я. Моро. Итальянцы сообщили, что «взяли они с собою в том городе Вене иноземца полской породы, Яна Францишка де Секиринского, да в Варшаве немца ж Антония Баи, для переводу полского и русского языков, потому что из них никто по-полски и по-русски говорить не умеют, а им де карабельным мастером, без них, Яна и Антония, на Москве и у карабельнаго строения быть невозможно» [Памятники, стб. 1351–1352]. Иван Франц Иванов сын Секиринский позднее работал в кумпанстве Ростовского митрополита Иоасафа при мастере Ф. Я. Пиколе, прибывшем в составе данной группы [Шамина, с. 96]. Надо полагать, что А. Баи также переводил для кого-то из итальянцев при другом кумпанстве.

Аналогичная ситуация сложилась в связи с отправкой специалистов из Дании. 25 июля 1696 г. в Новгород приехал присланный от датского короля по просьбе А. Бутенанта «в русскую морскую службу» капитан С. Петерсон. Вместе с ним прибыл не названный по имени толмач, который (также без имени) упоминается и в документах периода воронежской службы Петерсона [Елагин, прил. 1–4, с. 67, 283].

Случай иного характера (апрель 1697 г.) связан с отправкой иноземца И. Ренса, боцмана Е. Хартоха, а также парусного дела мастеров В. Бена и К. Крестьяна в Брянск. Им предстояло делать там мореходные струги для запланированного в 1697 г. похода по Днепру и Черному морю на Очаков. Сопроводжать корабелов указали толмачу Ивану Хамору. По окончании работ их полагалось отправить на подводах в Воронеж [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 446–447]. Неизвестно, приехал ли Хамор в Россию с кем-то из этих мастеров, или же его присоединили к группе кораблестроителей в Москве. Но, вне всякого сомнения, по завершении строительства брянской флотилии им предстояло работать в одном из создававшихся кумпанств.

Случаи, когда нанятые российскими властями специалисты брали с собой толмачей, которые затем оказывались на верфях под Воронежем, фиксировались и в период активной работы кумпанств. Из прихода-расходной книги Великого посольства за февраль – май 1698 г. узнаём, что на русскую службу в Амстердаме наняли корабельного плотника Я. Дена, при котором состоял толмач. Фамилия толмача – Клас – становится известной благодаря тому, что ему позднее выделили деньги на покупку платья [Лефорт, с. 469]. Далее они упоминаются в росписи прибывших из Амстердама в Архангельск специалистов (8 июня 1698 г.). При этом плотник назван по имени, а его сопровождающий указан ниже по

списку как «толмач 1» [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 205]. И только когда Владимирский судный приказ распределил их к строительству кораблей, которые сооружали сверх частных кумпанств из казны, толмач Александр Клас наконец-то был назван по имени и получил жалованье (6 ефимков в месяц) [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 208].

Зафиксирован и случай, когда толмачи целенаправленно нанимались для работы в кумпанстве. Заклучивший в апреле 1697 г. свой подряд Тимерман пригласил иноземных специалистов, которые прибыли в Новгород 27 июля. С ними были «для толмачества... иноземцы ж Алексей Леонтьев, Леонтий Яковлев» [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 184]. Тимерман позаботился и о возвращении приглашенных после завершения строительства на родину. 29 июля 1699 г. он подал челобитную о пропуске за границу отпущенного из Воронежа по завершении работ Л. Яковлева [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 187]. Скорее всего, случаи найма толмачей за границей непосредственно кумпанствами были нередки, но документов, которые могли бы это отразить, не сохранилось. Иногда трудно установить, приглашало ли их правительство, или нанимали за рубежом кумпанства. Так, 7 июля 1697 г. в Новгород «для корабельного дела» приехали «свейской земли» плотники, а с ними «для толмачества свейской земли иноземец» Юрий Христофоров [Елагин, прил. 5, прибавления, с. 183–184].

Часть задействованных под Воронежем языковых специалистов изначально числилась в Посольском приказе. Однако таких немного. Так, по возвращении из Великого посольства толмач немецкого и голландского языков Алексей Змеев в 1698 г. отправился на воронежские верфи [Кочегаров, с. 197]. Обращает на себя внимание формулировка приказного документа: «А ис Посольского приказу был он на нашей великого государя службе на Воронеже для толмачества сам»¹. Исходя из этой формулировки можно предположить, что Змеев вызвался на службу в кумпанство по собственному желанию. Кроме него при «иноземцах у корабельного дела» с 1699 г. находился толмач немецкого, голландского и английского языков Андрей Геймс (Емс) [Гуськов, Шамин, с. 287]. Еще для четверых служащих Посольского приказа упоминается об их посылках в Воронеж или «в Воронеж и под Азов», но здесь речь идет, судя по всему, о разовых поручениях, а не о постоянной службе.

В качестве особого случая следует отметить назначение Захария Михайлова сына Белокурова. Он родился в Архангельске в семье торговца тесом, в Посольский приказ поступил 12 января 1697 г. переводчиком голландского языка. С 20 января по 24 апреля 1697 г. Белокуров числился за Казанским дворцом – судя по всему, переводчика планировалось задействовать при строительстве канала между Волгой и Доном. В августе 1697 г. Белокуров был записан за Посольским приказом в Воронеже «у карабельного каравана» [Беляков, Гуськов, Лисейцев, Шамин, с. 63–64]. Однако эта запись фиксирует реальную службу постфактум, поскольку уже с 3 мая 1697 г. переводчик находился на верфях в кумпанстве князя М. А. Черкасского [Елагин, прил. 1–4, с. 252]. Очевидно, что Черкасский, воспользовавшись своим высочайшим статусом при московском дворе, взял к себе на службу нужного специалиста. Так посольский переводчик оказался в распоряжении частного кумпанства.

Для многих кумпанских толмачей сведений о том, откуда они попали на эту службу, нет. Некоторые из них работали на несколько кумпанств. Наиболее полная информация по данному вопросу содержится в челобитной Марка Остафьева (Астафьева, Евстафьева, Гречина). 28 сентября 1699 г. он сообщил, что является «иноземцем Винециской земли», работает «у винециских мастеров у капитана Якова Мора с товарищи в толмачах в кумпанствах Святейшего Патриарха, Резанского митрополита, Троицкого-Сергиева монастыря» [Материалы, с. 279]. Это стало возможным благодаря тому, что несколько церковных кумпанств располагались поблизости друг от друга. Толмач жаловался, что ему по государеву указу должны платить 3 рубля в месяц, а за июнь – август из Троицкого кумпанства выдали всего 3 рубля [Материалы, с. 279].

Как уже упоминалось, с группой Мора в Смоленск приехали два переводчика – поляк Секиринский и немец Баи. Из этого можно сделать вывод, что Остафьев присоединился к ним уже в России. Дополнительные данные о нем содержатся в приходо-расходных книгах кумпанства Ростовского митрополита Иоасафа. Отметим, что в них все специалисты по переводу именуются переводчиками, характерного для Посольского приказа разделения на переводчиков и толмачей нет. Первый раз Остафьев

¹ РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Малороссийского приказа и Коллегии иностранных дел). Оп. 1. 1701 г. Д. 2. Л. 2.

упоминается в приходо-расходной документации Ростовского кумпанства еще в тот период, когда основным переводчиком здесь был Секиринский [Шамина, Шамин]. В начале июля 1697 г. в связи празднованием «галерного основания» жалованье получил не только Секиринский, но и также «перевотчик» «кумпанства Святейшаго патриарха» Марк Греченин: «дано шеснатцеть алтын четыре денги»². Очевидно, что речь идет об Остафьеве. Из записи также становится понятно, что он был венецианским греком. После ухода Секиринского из Ростовского кумпанства Остафьев регулярно получал здесь выплаты. Первая из них состоялась в начале 1698 г.: «дано перевотчику Марку Евстафьеву кормовых и жалованных денег два рубли на февраль месяц»³. Далее он фигурирует в документах Ростовского кумпанства регулярно. Таким образом, Остафьев, обслуживая несколько кумпанств, получал разных выплат явно больше, чем положенные ему по указу 3 рубля. При этом складывается впечатление, что он был именно толмачом, а не переводчиком.

В приходо-расходной книге упоминаются и другие переводчики. В марте 1698 г., когда галерные припасы у Ростовского кумпанства принимал капитан А. Молино, деньги в «почесть» были даны не только венецианскому моряку, но и его переводчику Михаилу Мелентьеву (1 рубль)⁴. Позднее он делал письменный перевод каких-то документов для строительства галеры: «Дано перевотчику ево Александру Михаилу Мелентьеву пять рублей, для того, что он переводил о том де галерном строении, чтоб ему, Александру Малине, тот галер построить во всякой готовности, чтоб спустить в морской поход»⁵. Возможно, у нас есть сведения еще об одном, оставшемся безымянным, переводчике, работавшем на Ростовское кумпанство: «Того ж числа звали перевотчика Фрянца Яковлева сына Пиколы, которой переводил о вяслах и щеглах. Потчивали ево. Куплено вотки, меду и пива на пятнатцеть алтын»⁶.

Сведения о нескольких толмачах зафиксировал А. В. Перегудов. Так, в 1699 г. от толмача Евсея Сидорова поступила жалоба, что его 23 июня избили работавшие в разрядном шатре подьячий Сава Ляпин и его сын. Причина ссоры оказалась простой – Сидорова поймали на воровстве дров. Толмач голландского языка Родька, работавший в кумпанстве Н. К. Стрешнева, попал в документы в связи с тем, что в феврале 1698 г. ушел с кумпанской верфи и поселился в Воронеже. Состоявшего на службе в кумпанстве Новодевичьего монастыря толмача Ганку Хрена взяли к стольнику Ивану Михайловичу Москотиньеву, которому следовало построить два судна на казенные деньги. Хрен работал у Москотиньева с 1 октября 1698 г. Жалованье в кумпанстве Новодевичьего монастыря он получать перестал и бил челом о выплатах в шатре, где ему выделили на полгода 17 рублей. В мае 1699 г. упоминается еще один толмач – Аким Иванов [Перегудов 2009а, с. 87, 88, 90, 92].

О том, что толмачей не хватало и востребованная профессия служила защитой даже в самых вопиющих случаях, свидетельствует происшествие с Иваном Тимофеевым (в документах именуется также иноземцем и матросом). 9 марта 1700 г. в Коротояке убили солдата полка стольника С. В. Августова П. Кзымова. В убийстве обвинялись Тимофеев и матросы, направленные из Воронежа в Коротояк в кумпанство Я. Ф. Долгорукого. Выяснилось, что причиной убийства стала случайная ссора, вылившаяся в драку. 10 мая 1700 г. адмиралтеец Ф. М. Апраксин приговорил Тимофеева к битью кнутом и ссылке на год в Азов. Однако уже 24 мая к Апраксину обратился пушечный мастер Томас Снелин, который должен был лить на Романовских заводах пушки для кумпанских кораблей, и просил дать ему толмача. Адмиралтеец распорядился передать Тимофеева в распоряжение пушечного мастера. Ссылка в Азов не состоялась [Перегудов 2015, с. 630–634].

Еще о двух толмачах мы знаем благодаря конфликту между датчанином С. Петерсоном и голландскими кораблями. Петерсону было поручено техническое руководство кумпанским кораблестроением, однако голландские мастера, уже давно начавшие строить свои суда, его слушать не хотели. Можно предположить, что корабли использовали языковой барьер в качестве средства саботажа. 29 июля 1698 г. датчанин попытался передать очередное распоряжение и вновь столкнулся с препятствиями. В результате мастеру Я. Колу он передавал информацию при толмачах-свидетелях – Иване Еллерсе и Якове Геле. Письмо с изложением требований перевели для разрядного шатра. В конце документа

² РГАДА. Ф. 237 (Монастырский приказ, г. Москва). Оп. 1. Д. 20. Л. 547 об.

³ Там же. Л. 582.

⁴ Там же. Л. 637 об.

⁵ Там же. Л. 640.

⁶ Там же. Л. 633.

указано, что «то немецкое письмо датского капитана переводил Андрей Григорьев сын Берх, и руку приложил» [Елагин, прил. 1–4, с. 404, 405]. Каких-либо иных сведений о Берхе у нас нет. Судя по подписи, он не был переводчиком⁷, а разово оказал услугу кумпанским властям.

Известен еще один случай, когда к переводу предназначенного для разрядного шатра документа привлекли стороннее лицо. Одним из государевых кумпанств руководил сын Иоанникия (Лихуда) стольник князь Николай Иванович Лихудьев. Очевидно, он освоил итальянский язык в семье и в посредничестве для общения с итальянцами не нуждался. 20 ноября 1699 г. корабельный мастер Я. Моро подал в разрядный шатер письмо на итальянском языке. Лихудьев не только выполнил перевод, но и указал Протасьеву, что непонятные главе Владимирского судного приказа термины для специалистов пояснений не требуют [Елагин, прил. 1–4, с. 459]. Услуга явно была разовой.

Протасьев страдал от отсутствия языковых специалистов и обращал внимание своего руководства на то, что для успешной работы разрядного шатра требовались профессиональные переводчики. 16 декабря 1697 г. он писал Головину: «О мажерах, государь, и у капитана Августа Меера ведомость взята и переведена на русский язык и послана до милости вашей с сим письмом, а ежели что государь в переводе и неисpravление явится, о том отпущения у милости вашей просим, о чем известно есть вашей милости, что здесь на Воронеже переводчика при себе не имеем» [Елагин, прил. 1–4, с. 280]. На использование толмачей для передачи царских указов из разрядного шатра 16 июля 1698 г. жаловался упоминавшийся выше Петерсон. Он требовал письменный указ, который он мог бы прочитать, и не получил его [Елагин, прил. 1–4, с. 285].

И все же Протасьев исхитрился переводить отдельные тексты. Дело в том, что в воронежском разрядном шатре работал с окладом 3 рубля в месяц толмач голландского, шведского и датского языков Густав (Август) Ланг (Лан) [Перегудов 2009б, с. 186]. Судя по доступным нам документам, Ланг владел еще и «цесарским», то есть немецким, языком. В некоторых документах он упомянут вместе с переводчиком Белокуровым: «Переводил сие переводное письмо цесарского языку толмач Густав Лан с переводчиком с Захаром Михайловым» [Елагин, прил. 1–4, с. 286]; «К сему переводному писму переводчик Захар Белокуров с цысарского языка на галанской язык с речи толмача Густава Ланга на руской язык переводил и руку приложил»; «К сему переводному писму переводчик Захар Белокуров переводил с речи цысарского языка толмача Густава Ланга и руку приложил» [Материалы, с. 184, 186]. Таким образом, Ланг читал текст на немецком языке и переводил его устно на голландский, а Белокуров слушал голландскую речь и записывал русский перевод. Это, вне всякого сомнения, затрудняло перевод и негативно влияло на его качество.

Правительство пыталось увеличить число находящихся под Воронежем русских специалистов со знанием иностранного языка за счет работавшей в Москве в 1697–1700 гг. итальянской школы братьев Лихудов. 6 мая 1698 г. по памяти из Судного приказа в Воронеж отправились четверо ее выпускников. Не позднее декабря того же года к ним прибавился еще один. Основная часть этой группы училась у итальянских специалистов морскому делу. Для нашей темы наиболее интересен выходец из посадских людей Федот (Федор) Агеев. Он выучил итальянский, греческий и латынь, став переводчиком при Протасьеве [Рамазанова, с. 238, 275, 282]. Так разрядный шатер закрыл потребность в переводчиках соответствующих языков. Произошло это спустя более года после начала работы кумпанств. Однако нет уверенности в том, что Агеев знал итальянский на нужном уровне, ведь, как уже упоминалось, 20 ноября 1699 г. итальянский текст по кораблестроению переводил стольник Лихудьев.

Очевидно, что усилия государства по подготовке людей, знающих иностранные языки, были недостаточными. Выпускники школы Лихудов в силу своей немногочисленности не определяли кадровую ситуацию под Воронежем. Как и в более ранний период, большинство специалистов по переводу вербовались среди иноземцев. На верфях наблюдался дефицит переводчиков. Многие из них нанимались за границей непосредственно для проведения судостроительных работ заодно с мастерами кораблестроительных специальностей. Уровень их владения русским языком становился понятен уже после приезда в Россию. Проблемы перевода негативно отражались на работе кумпанств в целом.

⁷ Переводчики обычно указывали свою должность.

Источники

Елагин С. И. История русского флота. Период Азовский. Приложения. СПб., 1864. [2], XX, [2], 513, [2] с.
Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М., 2006. 567 с., [16] л. цв. ил., портр., факс.
Материалы по истории Воронежской и соседних губерний. Древние акты XVII столетия. Воронеж, 1885. Вып. 4. [353] с. разд. паг., [1] л. факс.
Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1864. Т. 7: Памятники дипломатических сношений с Римскою империею (с 1686 по 1699 год). [8] с., 1514 стб.

Литература

Алексеев Т. В. Строительство Азовского флота в 1695–1712 гг. в отечественной историографии // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 6. С. 84–106. DOI 10.7256/2454-0609.2020.6.34033 URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=34033
Беляков А. В., Гуськов А. Г., Лисейцев Д. В., Шамин С. М. Переводчики Посольского приказа в XVII в.: материалы к словарю. М., 2021. 303, [1] с.
Гуськов А. Г., Шамин С. М. Толмачи Посольского приказа в последней четверти XVII в.: персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. М., 2021. Вып. 2. С. 278–317.
Кочегаров К. А. Солдат, невольник, странник – к биографии толмача Посольского приказа и участника Великого посольства Алексея Змеева // Переводчики и переводы в России до начала XVIII столетия. М., 2023. Вып. 3. С. 194–198.
Перегудов А. В. Государев разрядный шатер – орган управления воронежским кораблестроением (1697–1700 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2009. 229 с. [Перегудов 2009а]
Перегудов А. В. Структура и состав Государева разрядного шатра в Воронеже в конце XVII века // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 185–187. [Перегудов 2009б]
Перегудов А. В. История конфликта русских солдат и иноземных матросов в Воронежском крае в 1700 г. // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. М., 2015. Вып. 4. С. 630–634.
Рамазанова Д. Н. Итальянская школа братьев Лихудов в Москве (1697–1700 гг.). М., 2019. 388, [3] с., 8 л. факс.
Шамин С. М. От Азовских походов к Азовскому проекту // Российская история. 2025. № 3. С. 153–170. DOI 10.31857/S2949124X25030146
Шамина И. Н. Кумпанство митрополита Ростовского и Ярославского Иоасафа (1696–1700 гг.) // Российская история. 2025. № 2. С. 85–103. DOI 10.31857/S2949124X25020181
Шамина И. Н., Шамин С. М. Переводчик кумпанства ростовского митрополита Иоасафа Иван Франц Иванович сын Секиринский (Вершевец): опыт реконструкции биографии // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. История. Политология. Социология. 2025. № 3. С. 107–115.

References

Alekseev, T. V. Stroitel'stvo Azovskogo flota v 1695–1712 gg. v otechestvennoi istoriografii. In *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2020. No. 6. Pp. 84–106. DOI 10.7256/2454-0609.2020.6.34033 URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=34033 (In Russ.)
Belyakov, A. V., Gus'kov, A. G., Liseitsev, D. V., Shamin, S. M. Perevodchiki Posol'skogo prikaza v XVII v.: materialy k slovaryu. Moscow, 2021. 303, [1] p. (In Russ.)
Gus'kov, A. G., Shamin, S. M. Tolmachi Posol'skogo prikaza v poslednei chetverti XVII v.: personal'nyi sostav (predvaritel'nye dannye). In *Perevodchiki i perevody v Rossii kontsa XVI – nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2021. Iss. 2. Pp. 278–317. (In Russ.)
Kochegarov, K. A. Soldat, nevoľnik, strannik – k biografii tolmachia Posol'skogo prikaza i uchastnika Velikogo posol'stva Alekseya Zmeeva. In *Perevodchiki i perevody v Rossii do nachala XVIII stoletiya*. Moscow, 2023. Iss. 3. Pp. 194–198. (In Russ.)
Peregudov, A. V. Gosudarev razryadnyi shater – organ upravleniya voronezhskim korablestroeniem (1697–1700 gg.). Dissertation for the Degree of Candidate of History. Voronezh, 2009. 229 p. (In Russ.)
Peregudov, A. V. Struktura i sostav Gosudareva razryadnogo shatra v Voronezhe v kontse XVII veka. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 2009. No. 1. Pp. 185–187. (In Russ.)
Peregudov, A. V. Istoriya konflikta russkikh soldat i inozemnykh matrosov v Voronezhskom krae v 1700 g. In *Rus', Rossiya: Srednevekov'e i Novoe vremya*. Moscow, 2015. Iss. 4. Pp. 630–634. (In Russ.)
Ramazanova, D. N. Ital'yanskaya shkola brat'ev Likhudov v Moskve (1697–1700 gg.). Moscow, 2019. 388, [3] p., 8 l. of facs. (In Russ.)
Shamin, S. M. Ot Azovskikh pokhodov k Azovskomu projektu. In *Rossiiskaya istoriya*. 2025. No. 3. Pp. 153–170. DOI 10.31857/S2949124X25030146 (In Russ.)
Shamina, I. N. Kumpantstvo mitropolita Rostovskogo i Yaroslavskogo Ioasafa (1696–1700 gg.). In *Rossiiskaya istoriya*. 2025. No. 2. Pp. 85–103. DOI 10.31857/S2949124X25020181 (In Russ.)
Shamina, I. N., Shamin, S. M. Perevodchik kumpantstva rostovskogo mitropolita Ioasafa Ivan Frants Ivanov syn Sekirinskii (Vershevets): opyt rekonstruktsii biografii. In *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya*. 2025. No. 3. Pp. 107–115. (In Russ.)

Stepan M. Shamin

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina N. Shamina

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

INTERPRETERS AND TRANSLATORS OF THE KUMPAN PERIOD OF RUSSIAN SHIPBUILDING

The article analyzes the work of interpreters and translators at the offices of Peter the Great. The authors identified more than two dozen language specialists who worked near Voronezh during this period, and concluded that most of the interpreters and translators were hired to work abroad. There was an acute shortage of them, which negatively affected the work of shipyards in general.

Keywords: kumpantstvo, translators, interpreters, Peter the Great

